

18+

АМАЛИЯ РИГЕР

ИЛЛЮЗИЯ ПРОКЛЯТИЯ

Амалия Ригер

Иллюзия проклятия

«Издательские решения»

Ригер А.

Иллюзия проклятия / А. Ригер — «Издательские решения»,

Я работаю не первый год. Я знаю, как выглядит настоящая порча — и именно поэтому я говорю вам прямо: это редкость. Гораздо более редкая, чем принято думать в среде, где порчу находят у каждого второго и снимают за соответствующую плату. Настоящее магическое воздействие — это не то, с чем приходит большинство людей. Большинство людей приходят со своей собственной болью, своими собственными страхами. Просто называть всё это «проклятием» удобнее, чем смотреть правде в глаза.

Содержание

ИЛЛЮЗИЯ ПРОКЛЯТИЯ	6
ПРОЛОГ	7
ЧАСТЬ I	9
ЧТО ТАКОЕ НАСТОЯЩАЯ МАГИЯ	9
Что такое настоящая магия	10
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Иллюзия проклятия

Амалия Ригер

© Амалия Ригер, 2026

ISBN 978-5-0069-9320-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ИЛЛЮЗИЯ ПРОКЛЯТИЯ

Сумеречная ведьма Амалия Ригер

*Моим близким —
тем, кто был рядом,
кто слушал мои размышления,
кто спорил со мной,
кто не боялся моих жёстких формулировок
и именно этим вдохновил меня написать эту книгу.*

ПРОЛОГ

Когда человек приходит ко мне впервые, я молчу.

Не для эффекта. Не потому, что так положено. А потому что он уже накрутил себя до предела, пока шёл. В голове у него готовая история — с тёмными силами, с чьей-то злобой, с цепочкой несчастий, которые явно не могут быть случайными. Он нёс эту историю всю дорогу. И если я сразу открою рот — он не услышит ни слова. Он будет ждать подтверждения.

Поэтому я молчу. Даю ему место выдохнуть.

Потом смотрю в глаза. Не сканирую, не диагностирую — просто смотрю. Как на человека. Не на случай, не на клиента, не на энергетическую структуру. На человека, которому больно и который очень хочет, чтобы его боль оказалась достаточно значительной.

И говорю одно слово.

Рассказывай.

Без жалости в голосе. Без готовности ужаснуться. Без той особой интонации, которую люди ожидают от ведьмы — загадочной, всезнающей, уже видящей то, чего не видят другие.

Просто — рассказывай.

Дальше я слушаю. И примерно через две минуты понимаю, с чем пришёл человек на самом деле. Не то что он думает, что принёс. А то, что принёс.

Если он начинает сыпать терминами — порча, сглаз, венец безбрачия, родовое проклятие — я останавливаю. Мягко, но сразу.

Стоп. Давай без ярлыков. Что у тебя болит? Не в магии — в жизни.

Потому что за «порчей» почти всегда стоит что-то очень простое и очень человеческое. Усталость. Череда неудач, у которых есть вполне земные причины. Страх жить — настоящий, глубокий, иногда унаследованный, но не магический. Или просто одиночество, которому нужно имя покрупнее, чем «мне плохо».

Если я сразу начну «снимать» — я сделаю только хуже. Я закреплю в человеке убеждение, что он жертва. Что над ним есть сила, которая сильнее его. Что без моей помощи он не справится.

А это неправда.

Я ведьма. Я работаю с тёмным не первый год. Я знаю, как выглядит настоящая порча — и именно поэтому я говорю вам прямо: это редкость. Гораздо более редкая, чем принято думать в среде, где порчу находят у каждого второго и снимают за соответствующую плату.

Настоящее магическое воздействие — это не то, с чем приходит большинство людей. Большинство людей приходят со своей собственной болью, своими собственными страхами и своими собственными решениями, которые они приняли годы назад и продолжают принимать каждый день. Просто называть всё это «проклятием» удобнее, чем смотреть правде в глаза.

Я не осуждаю. Я слишком много раз видела это, чтобы осуждать.

Но я и не подхватываю чужую драму. Я стою рядом — но не внутри неё.

И когда человек выговаривается, когда первая волна схлынет и в комнате станет немного тише, я говорю ещё одну фразу. Она всегда одна и та же.

Ну что ж. Давай разбираться. Только сразу договоримся: я не буду тебя спасать. Я помогу тебе увидеть — а дальше ты сам.

Некоторые на этом месте напрягаются. Они пришли за другим. Они пришли за тем, чтобы кто-то взял их боль и унёс её куда-то — в ритуал, в обряд, в снятие того, что якобы наложено.

Я не уговариваю остаться. Если человек не готов смотреть — он не готов. Это его право.

Но те, кто остаётся, — уходят иначе. Просто они наконец увидели то, что несли с собой всё это время. И увидев — перестали этого бояться.

Эта книга написана для них.

Не для тех, кто ищет подтверждения своему проклятию. Для тех, кто готов услышать неудобное.

Я не буду мягкой. Я не буду давать инструменты и пошаговые техники — это не моё поле. Я не психолог и не коуч.

Я ведьма, которая говорит вам правду.

Та правда звучит так: в большинстве случаев магии здесь нет. Есть вы. Ваш страх. Ваши решения. Ваша история, которую вы рассказываете себе снова и снова.

И это — одновременно самая плохая и самая хорошая новость.

Плохая — потому что снять с себя ответственность не получится.

Хорошая — потому что то, что создано вами, может быть изменено вами.

Рассказывай.

ЧАСТЬ I

ЧТО ТАКОЕ НАСТОЯЩАЯ МАГИЯ

Что такое настоящая магия

Глава 1. Что такое настоящая порча — и почему это редкость

Я скажу вам то, что многие в моей среде не говорят вслух.

За годы практики я видела настоящую порчу. Не часто — но видела. И именно поэтому я знаю точно: то, с чем приходит большинство людей — не она.

Я не скептик и не отрицаю тёмное. Я видела и то, и другое — и разница между ними такая же, как между человеком, который боится темноты, и человеком, которого в этой темноте уже кто-то держит.

Позвольте рассказать вам, как это выглядит. Не словами из книг. Глазами и кожей.

Первое — это тишина.

Когда входит напуганный человек, он шумит. Словами, эмоциями, жалобами. Он заполняет собой пространство, потому что ему страшно в этом пространстве одному.

Когда входит человек с настоящей порчей — он тихий. Не спокойный. Именно тихий. Как будто звук всасывается в него, а не выходит наружу. Он садится — и комната становится меньше. Давление воздуха меняется. У меня начинает ныть в руках — там, где проходят каналы. Как перед грозой.

Второе — глаза.

У напуганного глаза бегают. Ищут поддержки, ищут ответа: скажи, что я не сошёл с ума. Они живые — даже если в панике.

У человека с порчей глаза смотрят из глубины колодца. Они не бегают. Они смотрят прямо — но кажется, что смотрит не он. Есть в них что-то отсутствующее. Как будто кто-то другой стоит за ними и наблюдает за тобой через эту щель.

Это трудно описать словами. Но если раз увидел — уже не перепутаешь.

Третье — тяжесть.

Я чувствую это руками, не касаясь. Кладу ладони над головой человека — и руки вязнут в холодном киселе. Или наоборот — проваливаются в пустоту, где нет ничего. Иногда это холод, от которого немеют пальцы. Иногда вибрация, как от работающего трансформатора. Но чаще всего — отсутствие жизни там, где она должна быть.

Четвёртое — запах.

Не физический. Это нюх на уровне, которого нет в учебниках. Просто знаешь: здесь пахнет смертью. Не трупным — а тем, что уже не живое, но ещё движется. У напуганного человека пахнет потом и адреналином. У живого пахнет жизнью — даже если жизнь тяжёлая. А здесь — запах старого подвала, закрытого наглухо, куда десятилетиями не заходил воздух.

Пятое — и это главное.

Напуганный человек хочет, чтобы его спасли. Он цепляется, просит, плачет, обещает. В нём есть желание жить — пусть перепуганное, пусть истеричное, но живое.

Человек с настоящей порчей — ему всё равно.

Сила здесь ни при чём. Внутри него уже нет сил хотеть. Он как будто сдался до того, как вошёл. Пришёл, потому что кто-то привёл, или потому что последняя искра теплится где-то на дне. Но он не верит, что это поможет.

Это самое страшное. Не боль — а отсутствие сопротивления.

Когда я смотрю глубже — я вижу структуру.

У обычного человека аура похожа на кокон, который пульсирует, дышит — даже если он в стрессе. Она может быть рваной, тёмной, измотанной. Но она живая.

У человека с порчей я вижу дыру. Не разрыв — именно дыру, сквозь которую уходит жизнь. Иногда вижу тёмные нити, которые тянутся из тела куда-то в сторону. Каналы, по которым перекачивают то, что должно оставаться внутри.

И самое тяжёлое — когда в этой дыре кто-то есть. Не сам человек. Другое присутствие. Чужое, холодное, внимательное.

Если я сомневаюсь — я делаю одну простую вещь.

Прошу человека закрыть глаза и представить, что он убирает это прямо сейчас. Просто воображает — снимает с себя, как пальто.

Напуганный человек начнёт фантазировать. Пойдут картинки, он попытается сделать красиво. А человек с настоящей порчей — либо не сможет представить вообще ничего, потому что внутри темнота, либо ему станет физически плохо. Затошнит. Закружится голова. Потому что структура не даёт себя трогать.

Вот разница.

Напуганный человек — это шум. Порча — это тишина.

Напуганный хочет жить и боится смерти. Порча уже несёт смерть внутри — и ей всё равно.

Я рассказала вам это не для того, чтобы напугать. И не для того, чтобы вы теперь примеряли эти признаки к себе и находили совпадения. Именно этого делать не нужно.

Я рассказала, потому что дальше в этой книге буду говорить вам неудобные вещи. Буду говорить, что то, что вы считаете порчей — скорее всего не она. И чтобы вы мне поверили, вы должны понимать: я знаю, как выглядит настоящее. Я видела его. Я работала с ним.

Настоящая порча существует.

Но она редкость. Гораздо большая редкость, чем принято думать в среде, где её находят у каждого второго и снимают за соответствующую плату.

Большинство людей, которые приходят ко мне с убеждением что прокляты — не прокляты. В них нет чужого присутствия. В их структуре нет той дыры, через которую уходит жизнь. В их глазах нет колодца.

В них есть боль. Страх. Усталость. Иногда — годами накопленное ощущение, что жизнь идёт не так. Что что-то держит. Что виноват кто-то или что-то снаружи.

Это тоже реально. Это тоже требует внимания и честного разговора.

Но это — не порча.

И когда я вхожу в комнату, где сидит такой человек — я не чувствую грозы. Я не чувствую тишины, которая всасывает звук. Я не чувствую чужого присутствия за чужими глазами.

Я чувствую человека, которому больно — и который очень хочет, чтобы его боль оказалась достаточно значительной.

Это я понимаю.

Но называть это нужно своим именем.

Здесь не просто больно.

Здесь — вы.

Глава 2. Что такое родовое проклятие на самом деле

Родовое проклятие существует.

Я говорю это прямо, потому что дальше в этой книге буду много говорить о том, чего не существует. О страхе, который надевает мистическую маску. О тревоге, которую продают как воздействие. О людях, которые строят собственный сценарий — и называют его судьбой.

Но сначала — правда о том, что реально.

Родовое проклятие — это не чёрная полоса. Не невезение. Не тяжёлая карма, которую можно проработать на расстановке. Это структура, встроенная в плоть рода. Как ген, который передаётся независимо от того, хочешь ты его нести или нет. Независимо от того, знаешь ли ты о нём вообще.

Когда такой человек входит в комнату, я вижу не его одного.

Я вижу толпу за его спиной.

Молчаливую. Плотную. Тяжёлую. Они стоят полукругом и смотрят — не на меня, на него. Ждут. Это предки — не все, а те, кто в этой воронке. Они не ушли по-настоящему. Они застряли. И теперь их присутствие — дополнительный слой реальности, надетый на этого живого человека, который пришёл ко мне за помощью и пока не понимает, что пришёл не один.

Воздух вокруг него не движется. Он стоит в тишине, которая тяжелее любого звука.

Я смотрю на кожу. У таких людей она странная — серая, землистая, будто свет не отражается, а всасывается. Глаза как у рыбы на прилавке: вроде смотрят, но внутри никого. Бывает и наоборот — слишком яркие, слишком отчаянные, как будто человек из последних сил держится за жизнь, потому что чувствует: отпустит — воронка сожрёт.

Я всегда смотрю на руки. У них руки тяжёлые. Не физически — энергетически. Когда такой человек протягивает руку, кажется, что её нужно поднять, а не просто пожать.

Но главное — не внешность.

Главное — это то, как повторяется судьба.

Не просто «все женщины в роду несчастливы» или «мужчины умирают рано». Это слишком размыто, слишком удобно для интерпретации. В роду с настоящим родовым проклятием — точные копии. Смерти происходят в одном и том же возрасте. С разницей в день-два. Болезни повторяют друг друга до мелочей. Измены — в одних и тех же обстоятельствах. Самоубийства — одним и тем же способом.

Я видела род, где три поколения мужчин уходили из жизни одинаково. Один и тот же метод. Одно и то же место. Когда место исчезло — они находили другое, похожее. Ехали за сотни километров, не понимая зачем. Это не психология. Это программа, вшитая в кровь.

Энергетически это выглядит как воронка. Но вращающаяся в обратную сторону.

В обычной жизни энергия идёт из прошлого в будущее — от предков к потомкам. Здесь наоборот. Воронка засасывает свет из будущих поколений в прошлое. Мёртвые питаются живыми. Не метафорически — буквально, в той реальности, с которой я работаю.

Однажды я видела это так явно, что помню до сих пор. Женщина, рядом с ней дочь. Над ними — огромная тёмная спираль, уходящая куда-то вниз, в землю. И по этой спирали сползает всё, что должно было стать жизнью девочки. Её здоровье. Её радость. Её будущее. Всё уходит туда, где лежат непрощённые мёртвые — холодные, тихие, голодные.

Самое страшное в настоящем родовом проклятии — оно не кричит. Оно молчит.

Обычная порча горячая. Она болит, требует внимания, заявляет о себе. Родовое проклятие — это холодный вязкий туман, который заполняет всё так незаметно, что человек может прожить целую жизнь и не понять, почему он мёртвый внутри. Почему всё есть — а радости нет. Почему он старается — а результата нет. Почему каждый раз, когда становится чуть лучше, что-то происходит — и снова темно.

И ещё одно принципиальное отличие.

Человек с порчей может уйти. Уехать, сменить окружение, начать заново — и порча ослабевает, потому что она привязана к обстоятельствам или к конкретному источнику. Человек с родовым проклятием везёт его с собой. Потому что оно не снаружи. Оно в крови. В каждой клетке. В каждом решении, которое он принимает, не понимая почему.

Почему это редкость?

Потому что для того, чтобы возникло настоящее родовое проклятие, нужна чудовищная сила. Не каждый человек способен такое создать — даже намеренно. Даже со знанием.

Обычно это происходит в момент смерти. Когда человек уходит с такой ненавистью, такой болью, таким ощущением несправедливости, что его последний крик буквально пробиывает ткань реальности. Или, когда умирающий родитель проклинает собственного ребёнка — и в этом проклятии вся сила угасающей жизни. Или, когда совершено преступление против крови — убийство родственника, предательство, от которого погибли дети.

Это всегда точка колоссального напряжения. Точка, где боль настолько велика, что оставляет след не в памяти — в структуре рода.

После таких случаев я не сплю несколько дней. Не потому, что страшно. Потому что холодно внутри. Как будто сама побывала в той воронке и принесла оттуда что-то, чему не место в живом теле.

И каждый раз думаю одно и то же: зачем я это взяла?

А потом вспоминаю глаза человека, который впервые за много лет вдохнул полной грудью. Потому что тяжесть ушла.

И понимаю — затем.

Я рассказала вам это, чтобы вы поняли одну вещь. Я не отрицаю тёмное. Я работаю с ним. Я знаю его запах, его тишину, его холод.

И именно поэтому — когда я говорю вам, что то, что вы принесли, скорее всего не это — вы можете мне верить.

Настоящее родовое проклятие выглядит именно так, как я описала. Это не «у нас в семье все разводятся». Это не «деньги не держатся». Это не «мне всегда не везёт в любви».

Это толпа мёртвых за спиной живого человека.

Это воронка, которая вращается в обратную сторону.

Это холод, который не уходит.

Если вы читаете эту главу и узнаете себя — не торопитесь. Сначала дочитайте книгу до конца. Потому что следующие двадцать с лишним глав написаны именно для того, чтобы вы научились отличать одно от другого.

А пока запомните главное.

Родовое проклятие существует. Но оно — не объяснение для всего, что идёт не так.

Глава 3. Почему я говорю «нет» чаще, чем «да»

Это никогда не было легко.

Передо мной сидит живой человек. Ему больно. Он верит в свою боль — искренне, до дна. Он верит в своё проклятие так же твёрдо, как верит в то, что утром встанет солнце. И он пришёл ко мне за одним — за подтверждением. За тем, чтобы кто-то наконец сказал: да, я вижу. Да, ты не выдумал. Да, это не ты — это на тебе что-то есть.

И я должна эту надежду забрать.

Не из жестокости. Не из равнодушия. И всё же — если я скажу «да» — я сделаю хуже. Я закреплю иллюзию, которая и без того уже слишком глубоко сидит. Я дам ему костыль, на который он обопрётся — и никогда не научится ходить сам. Я стану частью его истории, где он жертва, снаружи враг, и где решение всегда где-то там — в ритуале, в обряде, в чужих руках.

Легко было бы сказать «да». Взять деньги, провести работу, получить благодарность. И через месяц он вернётся снова — потому что ничего не изменилось. Потому что менялось не то.

Тяжело — сказать «нет» и смотреть, как в глазах гаснет свет. Как человек встаёт и уходит, думая: и эта не помогла. И знать, что, возможно, он так и не поймёт.

Это мой выбор. Каждый раз заново.

Всегда ли я чувствую одно и то же в этот момент? Нет.

Иногда это просто знание — без эмоций, без усилия. Как будто что-то большее говорит: не твоё. Я киваю внутри и отпускаю. Спокойно, без лишних слов.

Иногда это раздражение. Когда человек приходит слишком громко, слишком уверенно, с готовым диагнозом на устах. Он уже решил, что у него проклятие. Он уже знает, что именно на нём лежит — какое, откуда, от кого. Он пришёл не за правдой, а за печатью. И тогда внутри поднимается усталое: зачем ты пришёл, если уже всё решил?

Иногда это грусть. Тихая, долгая. Когда видишь человека, который мог бы жить иначе. У которого есть всё для того, чтобы жить иначе. Но который выбрал иллюзию — потому что иллюзия удобнее правды. Правда требует действий. Иллюзия требует только сочувствия.

Иногда это злость. Не на человека — на ситуацию. На то, сколько лет уже потрачено впустую. Сколько денег отдано тем, кто видел страх и продавал ему подтверждение. Сколько сил ушло в ритуалы, которые ничего не меняли — потому что меняли не там. И человек приходит ко мне уже сломленным, уже убеждённым, что магия не работает. Хотя на самом деле он просто никогда не сталкивался с настоящим.

Но чаще всего — это просто усталое спокойствие.

Я знаю, что будет дальше. Я знаю, что он, скорее всего, уйдёт. Я знаю, что, возможно, через год позвонит снова и скажет: я понял. Теперь помогите. И я помогу, если смогу.

В момент «нет» я не осуждаю.

Я не думаю: ты ищешь лёгкий путь. Я не думаю: ты слишком слаб, чтобы смотреть правде в глаза. Это не мои мысли и не моё дело. Я просто вижу одно: здесь не моя работа. Здесь нет того, с чем я работаю.

И я говорю это вслух. Прямо. Без жестокости, но и без смягчений.

Я не вижу здесь проклятия. Я вижу усталость, боль и страх. Но это не то, с чем я работаю. Я не могу взять твои деньги и сделать вид, что что-то снимаю. Ты заслуживаешь настоящей помощи, а не иллюзии.

Иногда после этих слов человек остаётся. Иногда уходит. Это его выбор — и я не уговариваю ни в ту, ни в другую сторону.

Но именно здесь, в этом моменте, и живёт главный вопрос этой книги.

Если не проклятие — тогда что?

Что именно несут люди, когда приходят с убеждением, что прокляты? Что стоит за этим словом, за этой уверенностью, за этой болью, которая абсолютно реальна — даже если её источник совсем не там, где они думают?

Ответ на этот вопрос не простой. И он точно не тот, который большинство хочет услышать.

Но я не умею говорить удобно.

Я умею говорить правду.

За годы практики я пришла к одному выводу, который лёг в основу этой книги. Большинство людей, которые приходят ко мне с «проклятием», несут с собой не тёмную магию. Они несут страх. Иногда — свой собственный, выращенный годами. Иногда — чужой, полученный по наследству и принятый как данность. Иногда — купленный у тех, кому выгодно, чтобы они боялись.

Этот страх реален. Он влияет на жизнь не меньше, чем любое воздействие. Он меняет решения, закрывает двери, повторяет сценарии снова и снова — до тех пор, пока человек не начинает верить, что иначе просто невозможно.

Но называть это нужно своим именем.

Не проклятием. Не родовой программой. Не воздействием.

Страхом.

И вот здесь начинается самая сложная часть моей работы. Не ритуал. Не диагностика. Не снятие чего-то тёмного.

А разговор. Прямой, неудобный, без гарантий и без хеппи-энда.

Разговор о том, что происходит на самом деле.

Именно этому посвящена вся остальная книга.

Я не дам вам инструментов. Я не пропишу шаги и не нарисую схему выхода. Это не моё поле.

Моё поле — показать вам, что именно вы несёте. Назвать это. И оставить вас с этим знанием.

Дальше — ваше дело.

Если я начну врать в мелочах, я перестану видеть правду в главном.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.